

С.Н. Корусенко

Институт археологии и этнографии СО РАН

Новосибирск, Россия

E-mail: tomil65@rambler.ru

Идентификация бухарцев Сибири (XVII–XXI века)

В статье поставлена проблема идентификации выходцев из среднеазиатских государств в Сибири – бухарцев, на протяжении XVII–XXI вв. с точки зрения перехода и переходного процесса, где основу составляют состояния динамики и статики. Основными источниками стали работы изыскателей XVIII–XIX вв., архивные сведения, материалы этнографических экспедиций последней четверти XX – начала XXI в. в места компактного расселения потомков бухарцев. Идентификация рассмотрена через включение в структуру российского общества и оними: бухарцы, сарты, бухарцы и ташкентцы, сибирские бухарцы, татары-бухарцы, бухарские татары, татары. Разработана периодизация формирования, развития и трансформации идентичности данной группы населения Западной Сибири. Выделены реперные точки и четыре периода: 1) конец XVI – конец XVII в.; 2) конец XVII – 1810-е гг.; 3) 1820-е – 1910-е гг.; 4) 1920-е гг. по настоящее время. Определены периоды динамики (первый период – формирование бухарцев как группы, ее идентификация как внутри, так и извне; четвертый период – трансформация идентичности в направлении татарской) и статики (второй период – включение бухарцев в фискальную и административную системы Российской государства с учетом их иноземства, консолидация при отстаивании своих привилегий; третий период – дальнейшая консолидация и идентификация сибирских бухарцев как жителей империи наравне с другими). В настоящее время потомки бухарцев считают себя татарами, но поддерживают память о своем происхождении. В материалах экспедиций встречаются оними бухарец и бухарский татарин.

Ключевые слова: бухарцы, идентификация, Россия, Сибирь, Средняя Азия, оними.

S.N. Korusenko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Novosibirsk, Russia

E-mail: tomil65@rambler.ru

Identification of the Bukharans in Siberia (17th–21st Century)

This article addresses the problem of identifying the descendants from the Central Asian states in Siberia – the Bukharans – from the 17th to the 21st centuries, focusing on transition and transitional process, where the dynamics and statics are foundational. The main sources included scholarly works of the 18th and 19th centuries, archival data, and evidence from ethnographic expeditions from the last quarter of the 20th century to the early 21st century in the areas of compact settlement of the Bukharans' descendants. Identification is discussed through the integration into the structure of Russian society and onomastics: Bukharans, Sarts, Bukharans and Tashkentis, Siberian Bukharans, Tatar-Bukharans, Bukharan Tatars, Tatars. Periodization of the emergence, development, and transformation of the identity of this population group in Western Siberia has been established with the following key milestones and four periods: 1) late 16th – late 17th century; 2) late 17th – 1810s; 3) 1820s – 1910s, and 4) 1920s to the present day. The periods of dynamics (first period – the emergence of the Bukharans as a group, their identification both internally and externally; fourth period – transformation of identity towards the Tatars) and statics (second period – the inclusion of the Bukharans into the fiscal and administrative systems of the Russian State with account of their foreign origin, consolidation in defending their privileges; third period – further consolidation and identification of the Siberian Bukharans as subjects of the Empire equal to others) have been identified. Although currently the descendants of the Bukharans consider themselves Tatars, they maintain the memory of their origins. The evidence from the expeditions includes both designations – “Bukharan” and “Bukharan Tatar.”

Keywords: Bukharans, identification, Russia, Siberia, Central Asia, onomastics.

Присоединение Сибири к Русскому государству привело к формированию этносоциальной структуры его населения с учетом различных факторов, прежде всего, социально-экономических и политических, а также тех реалий в составе населения, которые сложились на протяжении предыдущих эпох. На-

чиная с освоения сибирских пространств с конца XVI в. Сибирь являлась местом притяжения для населения различных регионов как европейской части России, так и других государственных образований. Фактически XVII–XX вв. – это период увеличения численности населения на данной территории как

путем стихийных добровольных переселений, так и государственных устремлений по ее заселению через различные программы. Однако с конца XX в. сибирские пространства пустеют, а население предпочитает переселяться обратно в Европейскую Россию, особенно в ее столичные анклавы. Не последнюю роль для народонаселения современной России играет демографический кризис, который привел к появлению трудовых мигрантов из центральноазиатских стран – бывших республик Советского Союза. В то же время история повторяется – прибытие выходцев с тех территорий связано с формированием этносо-словной группы бухарцев, большая часть которых осела в Сибири, а затем уже в XX в. вошла в состав татар Западной Сибири. Процесс перехода из чужих в свои занял несколько столетий. Актуальным в настоящее время является вопрос о включении/невключении среднеазиатских мигрантов в российское общество, их длительном или эпизодическом пребывании. История сибирских бухарцев показательна в плане их инкорпорации в российский социум. И не последнюю роль в этом играло государство, которое сначала способствовало формированию данной группы через ее особый правовой статус и восприятию как ино-земцев, затем – включению в сословную структуру российских подданных, а потом и преобразованиям в области этнической идентичности.

Цель научной работы – выделить этапы формирования и трансформации идентичности бухарцев Западной Сибири XVII–XXI вв. с точки зрения перехода и переходного процесса. Основными источниками являются работы изыскателей XVIII–XIX вв., архивные сведения, материалы этнографических экспедиций последней четверти XX – начала XXI в. в места компактного расселения потомков бухарцев. Исследование построено на подходах к анализу перехода и переходных процессов в философии, где основу составляют состояние динамики и статики. И с этой позиции идентификация будет рассмотрена как извне (со стороны центральных и местных властей, исследователей), так и изнутри (со стороны самих бухарцев). Основная проблема изучения связана с выделением периодов относительно статичного состояния группы и факторов, влияющих на ее трансформацию. Идентификация прошлого среднеазиатского населения будет рассмотрена через их описи в делопроизводственных документах, научных работах и экспедиционных материалах.

Бухарцам Сибири посвящено немало работ отечественных и зарубежных ученых, особенно второй половины XX – начала XXI в. В XVIII–XIX вв. наметились два основных направления в изучении бухарцев Сибири: 1) рассмотрение их торговой деятельности и политических связей с государствами Средней Азии; 2) интерес к их миссионерской деятельности, направленной на распространение ислама среди местного тюркоязычного населения. Во второй половине XX в., когда начинается активное изучение этнической исто-

рии и культуры сибирских татар, мы видим отражение этих исследовательских направлений по отношению к бухарцам, которые к этому времени вошли в состав татар Сибири [Зияев, 1968; Валеев, 1993]. При изучении этнической истории сибирских татар Н.А. Томиловым выявлен бухарский компонент в каждой территориально-этнической группе сибирских татар, рассчитана по разным источникам численность бухарцев в XVII–XIX вв., а также названы места выхода бухарцев [Томилов, 1981]. В последние десятилетия углубляются намеченные ранее направления исследований – численность и расселение [Корусенко, Томилов, 2011; Тычинских, 2022], среднеазиатские компоненты в культуре татар Сибири [Селезнев, Селезнева, Белич, 2009; Смирнова, 2004; Тихомирова, 2006]. Возникли и новые аспекты изучения сибирских бухарцев: правовое положение и правовой статус сибирских бухарцев [Бакиева, 2011; Почекаев, 2017], рукописи сибирских мусульман, в т.ч. родословные бухарцев [Бустанов, 2013; Бустанов, Корусенко, 2014].

В то же время за рамками исследований остались вопросы идентификации и описи данной группы в разные хронологические периоды. Наиболее распространенным является определение бухарцев Ф.Т. Валеева, которое «кочует» из работы в работу: «“Бухарцы” – это обобщающее название узбеков, уйголов и некоторых других народов, переселившихся из Средней Азии в районы Западной Сибири в XVI–XVIII вв.» [Валеев, 1993, с. 26]. Оно дано с точки зрения классификации народов, основанной на нациестроительстве советского периода. Показательным является тот факт, что начало изучению бухарцев в советский период было положено ташкентским ученым-историком Х.З. Зияевым, который свою монографию назвал «Узбеки в Сибири (XVII–XIX вв.)», хотя в работе употребляет следующие описи: *бухарцы, ташкенцы, бухарцы-ташкенцы* [Зияев, 1968]. В то же время для того хронологического периода бухарцев в Сибири никто не называл узбеками, как и они сами так себя не идентифицировали. А в самих среднеазиатских государствах того периода идентичность населения была настолько разнообразной, что невозможно напрямую ассоциировать с ним современное население советских республик, что и показали процессы этнической идентификации в современных постсоветских центрально-азиатских государствах. Данный вопрос очень подробно исследован С.Н. Абашиным в его монографии, посвященной формированию наций в Средней Азии в XIX–XX вв., где он показывает различные виды идентичности населения данного региона, в частности рассматривает вопрос об «этничизации» самосознания узбеков [Абашин, 2007].

Бухарцы в Сибири в конечном итоге стали составным этническим компонентом западносибирских татар наряду с переселившимися сюда татарами из Европейской России (казанские, мишари, уфимские и т.п.). Но как шло формирование этой группы, как менялась ее идентичность во времени и пространстве и почему

в разные исторические периоды в исследовательской литературе и делопроизводственных документах наличествовали разные наименования этой группы? Можно ли выделить т.н. реперные точки при переходе из одного состояния в другое в ходе процесса идентификации? Когда мигранты (переселенцы) из Средней Азии превращаются из чужих иноземцев в своих? Здесь мы попытаемся ответить на данные вопросы через предложенную периодизацию формирования, развития и трансформации идентичности данной группы населения Западной Сибири с точки зрения перехода.

Общеизвестно, что выходцы из среднеазиатских государств появились в Сибири еще задолго до присоединения данных территорий к Московскому государству. Но только в рамках российской государственности идет формирование бухарской этносословной общности. Первый период данного процесса можно определить концом XVI – концом XVII в. Первоначально при освоении сибирских территорий и строительстве острогов Московское государство стремилось к сохранению существовавших еще до прихода русских торговых отношений со среднеазиатскими государствами. Первый этап этого периода характеризуется формированием бухарских слобод возле русских крепостей – Тюмени (1586 г.), Тобольска (1587 г.), Тары (1594 г.) и Томска (1604 г.), где стали селиться торговые люди из среднеазиатских государств. Второй этап данного периода начинается с грамоты Михаила Федоровича от 3 ноября 1644 г. (ГИАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 158. Л. 2), в которой подтверждаются их привилегии в области торговли и, что явилось новым по отношению к бухарцам – не взятии налогов с земель, приобретенных ими у ясачных и служилых. Это должно было привлечь их оставаться на постоянное место жительства в Сибири. Этот документ, с одной стороны, показывает, что уже начался процесс приобретения земель бухарцами, с другой – стимулировал все новых переселенцев из среднеазиатских государств оставаться жить в Сибири. Действительно, во второй половине XVII в. отмечается численное увеличение бухарцев, а также количества приобретенных ими земель. Жалованная грамота бухарцам, выданная 17 сентября 1686 г. от имени царей Ивана V и Петра I и правительницы царевны Софьи, фактически подтверждала грамоту их деда Михаила Федоровича (ГИАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 158. Л. 2–2 об.). В этот период происходит идентификация группы переселенцев из государств Средней Азии под онимом *бухарцы*, который циркулирует во всех документах и начинает восприниматься и самими представителями общности поселившихся в Сибири. Во второй половине XVII в. началось пространственное освоение сибирских земель бухарцами, их хозяйственного освоения и формирование сети населенных пунктов, отдельных и совместных с местными татарами.

Второй период формирования группы начинается с конца XVII в. и длится до реформ М.М. Сперанского 1820-х гг. Данный период можно также разбить на

два этапа, первый из которых начинается действиями Петра Первого и заканчивается реформами Екатерины II. По мере становления власти Петра, проведении им азовских военных компаний и формированию дальнейших планов относительно Российского государства ему необходимы были средства для их воплощения. Это стало одной из причин включения бухарцев в фискальную систему. Именным указом 1698 г. велено было описать земли бухарцев, основания их приобретения, их использование и обложить оброком. В результате были созданы дозорные книги, напр., Тарская дозорная книга [Корусенко, 2011]. В преамбуле книги говорится о бухарцах. При описании конкретных владельцев пишется «*бухаретин*». Таким образом, в данный период в официальных документах использовались онимы *бухарец*/*бухаретин*.

В 1730-е гг. в местах расселения бухарцев проходила экспедиция Г.Ф. Миллера. В основном его труде, созданном по результатам десятилетней поездки – «История Сибири», автор употребляет оним *бухарцы*. Однако в путевых описаниях Миллера в одном месте, при описании Сарт-аула, указано, что данная деревня «заселена ясачными, хотя название означает бухарскую деревню, так как бухарцы как на их собственном национальном языке, так и татарами называются словом *сарт*» [Корусенко, 2011, с. 8]. С.Н. Абашин, исследуя сложности самосознания населения Средней Азии, считает, что *сарты* – это социально-хозяйственное самосознание [Абашин, 2007, с. 25], связанное, прежде всего, с оседлостью населения и, соответственно, с общими хозяйственными и культурными традициями, в противовес кочевникам-скотоводам. Надо сказать, что данный оним встречается и в работах исследователей XIX–XX в. Фактически указами Петра постепенно оформляется этносословная группа бухарцев, которые по-прежнему рассматриваются органами власти в качестве иноземцев. Екатерина II подтвердила все до этого полученные бухарцами права и привилегии (ГИАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 158. Л. 2 об.), а в ходе проведения административных реформ ею было на законодательном уровне закреплено право создавать ими собственные органы управления, после чего в разных уездах возникли Бухарские волости, а часть бухарцев основала поселения на ранее приобретенных землях. В документах екатерининской эпохи употребляется словосочетание *бухарцы и ташкенцы*, которое продолжает бытовать в официальных документах на протяжении первой половины XIX в. Дело в том, что при формировании системы сибирских крепостей в них также стали селиться выходцы из государственных образований Средней Азии. В отличие от бухарцев, уже прочно обосновавшихся в Сибири, их стали обозначать *ташкенцами*. В начале второй половины XVIII в. в связи с разгромом Джунгарского ханства часть среднеазиатских выходцев перешли в подданство Российской империи, в первичных материалах ревизий населения они обозначались как *зенгорские бухарцы*.

На первом этапе данного периода бухарцы по-прежнему рассматривались властями как иноземцы. Иноземческое положение бухарцев отражено и в исследовательской литературе, в частности в труде И.Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов...», опубликованном в 1776–1780 гг. [Георги, 2007, с. 187–196]. Говоря о многолюдных бухарских селениях в Сибири, бухарцах в Башкирии, Оренбургской губернии автор в дальнейшем описывает быт, хозяйственные занятия и культурные особенности жителей Бухарии, получив эти сведения от «караванных людей». Только в заключении раздела он попытался сформулировать отличие бухарцев в культуре от казанцев и башкирских татар и сделал вывод о том, что они фактически не выделяются ни «в житии, ни в одеянии, ни в обычновениях» от татар, только «удержали бухарский свой вид и побольше склонности к чистоте» [Георги, 2007, с. 196]. Здесь также приводится тот факт, что сами бухарцы называют себя *сартами*.

Второй этап второго периода (с 1780-х гг. до начала 1820-х гг.) можно определить, как переходный. Именно здесь происходит поворот в восприятии бухарцев местными властями, которые начинают рассматривать их уже наравне с другими податными сословиями и пытаются включать в систему местных налогов, чему те сопротивляются и постоянно пишут обращения к центральным властям. Постепенно в ходе переписи центральных и местных властей образ бухарцев меняется и в восприятии центральной власти. Этому способствует также и продвижение России в среднезападный регион, что соответственно приводит к тому, что бухарцы уже не рассматриваются как торговые представители России в государствах Средней Азии.

Третий период начинается с реформ М.М. Сперанского по отношению к инородческому населению и заканчивается установлением советской власти в регионе. В «Уставе об управлении инородцев» 1822 г. закреплялись права бухарцев и ташкенцев на собственные органы самоуправления, в остальном же их попытались приравнять к оседлым инородцам, что вызвало сопротивление с их стороны. В результате вопросы налогообложения бухарцев окончательно были решены только к середине XIX в. Во второй половине XIX в. начинается активное присоединение среднезападных государств к Российской империи. Возможно, именно этим объясняется использование онима *сибирские бухарцы*, напр., в известной работе Г.Н. Потанина «О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVII столетии».

Четвертый период, который начинается в результате политических и социально-экономических преобразований в России в связи с установлением советской власти, можно охарактеризовать периодом трансформации идентичности бухарцев. В имперской России их все-таки необходимо рассматривать как этносословную группу, т.к. сословная составляющая определя-

лась особыми правами и обязанностями, а этническая – происхождением и этнокультурными особенностями. В то же время длительное совместное проживание бухарцев с татарами в одних населенных пунктах способствовали унификации их быта и культуры. Существование бухарской идентичности было связано с обособлением данного населения через налоговые и административные границы. В 1921 г. в РСФСР начинается работа по подготовке и проведению реформы районирования, в результате чего были упразднены Бухарские волости (которые, в какой-то степени были инструментом идентификации). В списках народов первой советской переписи 1926 г. бухарцы значатся. Но уже в этот период появляется довольно интересный оним для них в документах местного обследования. Так, в обзоре о работе национальных меньшинств Тарского округа по Советскому строительству 1927 г. (ГИАОО. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 74) в начале документа идет речь о *татарах-туземцах* и *татарах-бухарцах*, что в общем-то показывает некий объединительный момент в восприятии тюркского населения данной территории. Длительное совместное проживание, тесные брачные связи привели к консолидации татар Сибири. В последующих переписях бухарцев исключили из списка народов. В настоящее время потомки бухарцев считают себя татарами, но поддерживают память о своем происхождении. В материалах экспедиций встречаются онимы *бухарец*, *бухарский татарин*, *сибирский (бухарский) татарин*. Этногенеалогическая память татарского населения также сохранила и оним *сарт*, который в ряде мест рассматривается как наименование тугума – группы родственных семей.

В предложенной периодизации важным представляется выделение реперных точек в процессе идентификации у выходцев из среднезападских регионов, вошедших в качестве этнического компонента в состав современных татар Сибири: 1) указ Михаила Федоровича 1644 г., после которого увеличилось количество желающих поселиться в Сибири, а также начать осваивать ее земельные пространства; 2) указ Петра Первого 1698 г. о взимании налогов с бухарцев; 3) грамота Екатерины II о сохранении привилегий, данных предыдущими правителями и праве создавать собственные волости; 4) окончательное включение в фискальную систему по результатам реформ М.М. Сперанского; 5) исключение из списка народов онима *бухарцы* при подготовке переписи населения 1939 г. и последующих переписей. На основе выделения реперных точек в развитии общности бухарцев можно определить периоды динамики (первый период – формирование бухарцев как группы, ее идентификация как внутри, так и извне; четвертый период – трансформация идентичности в направлении татарской) и статики (второй период – включение бухарцев в фискальную и административную системы Российской государства с учетом их иноземства, консолидация при отстаивании своих привилегий;

третий период – дальнейшая консолидация и идентификация сибирских бухарцев как жителей империи наравне с другими).

Благодарности

Исследование выполнено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0014 «Население юга Западно-Сибирской равнины: социокультурная динамика и культурное наследие».

Список литературы

Абашин С. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. – СПб.: Алетейя, 2007. – 304 с.

Бакиева Г.Т. Обычай и закон. Очерки правовой культуры сибирских татар в XVIII – начале XX века. – Новосибирск: Гео, 2011. – 214 с.

Бустанов А.К. Книжная культура сибирских мусульман. – М.: ИД Марджани, 2013. – 264 с.

Бустанов А.К., Корусенко С.Н. Родословные сибирских бухарцев: Шиховы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 4 (60). – С. 136–145.

Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. – 208 с.

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / предисл. и прим. В.А. Дмитриева. – Перепеч. изд. 1799 г. с испр. и доп. – СПб.: Русская симфония, 2007. – 808 с.

Зияев Х. Узбеки в Сибири (XVII–XIX вв.). – Ташкент: Фан, 1968. – 75 с.

Корусенко С.Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII века. – Омск: Наука, 2011. – 248 с.

Корусенко С.Н., Томилов Н.А. Татары Сибири в XVIII – начале XX в.: расселение, численность и социальная структура // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 2 (15). – С. 177–185.

Почекаев Р.Ю. Эволюция правового статуса бухарцев в Российском законодательстве XVIII–XIX вв. // Вестн. РУДН. Сер.: Юридические науки. – 2017. – Т. 21, № 1. – С. 53–70.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ связанных в сибирском исламе: специфика универсального. – М.: ИД Марджани, 2009. – 216 с.

Смирнова Е.Ю. Одежда татар Среднего Прииртышья: этнокультурные связи и контакты. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 112 с.

Тихомирова М.Н. Культура питания татар Среднего Прииртышья: проблемы формирования и этнокультурных связей. – Омск: Наука, 2006. – 214 с.

Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1981. – 276 с.

Тычинских З.А. Куда «исчезли» тобольские и тюменские бухарцы (историко-демографическая характеристика

этносословной группы в конце XIX – первой трети XX в.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2022. – № 2 (57). – С. 202–209.

References

Abashin S. Natsionalizmy v Srednei Azii: v poiskakh identichnosti. St. Petersburg: Aleteiya, 2007. 304 p. (In Russ.).

Bakieva G.T. Obychai i zakon. Ocherki pravovoi kul'tury sibirskikh tatar v XVIII – nachale XX veka. Novosibirsk: Geo, 2011. 214 p. (In Russ.).

Bustanov A.K. Knizhnaya kul'tura sibirskikh musul'man. Moscow: Publ. House Mardzhani, 2013. 264 p. (In Russ.).

Bustanov A.K., Korusenko S.N. Genealogies of the Siberian Bukharans: The Shikhovs. In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2014. No. 4 (60). P. 136–145.

Georgi I.G. Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov: ikh zhiteiskikh obryadov, obyknovenii, odeshd, zhilishch, uprazhnenii, zabav, veroispovedanii i drugikh dostopamyatnostei. St. Petersburg: Russkaya simfonija, 2007. 808 p. (In Russ.).

Korusenko S.N. Sibirskie bukhartsy v nachale XVIII veka. Omsk: Nauka, 2011. 248 p. (In Russ.).

Korusenko S.N., Tomilov N.A. Tatars Sibiri v XVIII – nachale XX v.: rasselenie, chislennost' i sotsial'naya struktura. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2011. No. 2 (15). P. 177–185. (In Russ.).

Pochekaev R.Y. Evolyutsiya pravovogo statusa bukhartsev v Rossiiskom zakonodatel'stve XVIII–XIX vv. In *Vestnik RUDN. Ser.: Yuridicheskie nauki*, 2017. Vol. 21, No. 1. P. 53–70. (In Russ.).

Seleznev A.G., Selezneva I.A., Belich I.V. Kul't svyatyykh v sibirskom islam: spetsifika universal'nogo. Moscow: Mardzhani Publ., 2009. 216 p. (In Russ.).

Smirnova E.Y. Odezhda tatar Srednego Priirtysh'ya: etnokul'turnye svyazi i kontakty. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004. 112 p. (In Russ.).

Tikhomirova M.N. Kul'tura pitaniya tatar Srednego Priirtysh'ya: problemy formirovaniya i etnokul'turnykh svyazei. Omsk: Nauka, 2006. 214 p. (In Russ.).

Tomilov N.A. Tyurkoyazychnoe naselenie Zapadno-Sibirskoi ravniny v kontse XVI – pervoi chetverti XIX vv. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1981. 276 p. (In Russ.).

Tychinskikh Z.A. Where did the Tobolsk and Tyumen Bukharans “disappear” to (historical and demographic characteristic of the ethno-estate group at the end of the 19th – first third of the 20th c.). In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2022. No. 2 (57). P. 202–209. (In Russ.).

Valeev F.T. Sibirskie tatars: kul'tura i byt. Kazan: Tatar Book Publ. House, 1993. 208 p. (In Russ.).

Ziyaev Kh. Uzbeki v Sibiri (XVII–XIX vv.). Tashkent: Fan, 1968. 75 p. (In Russ.).

Корусенко С.Н. <https://orcid.org/0000-0002-9369-5272>

Дата сдачи рукописи: 30.09.2025 г.